

А. А. Вовин

Советские граждане и Корея летом 1945 г.: антропологический аспект

Советско-японская война 1945 г. и последующее пребывание РККА/СА в северной части Корейского полуострова в 1945–1948 гг. — тема чрезвычайно сложная и малоизученная. К тому же постепенно развивающаяся холодная война сделали ее крайне политизированной, если не сказать идеологизированной. Между тем этот период стал для тысяч носивших военную форму советских граждан первым знакомством с корейцами и корейской культурой. Вероятно, это стало самой массовой встречей носителей русского и корейского языка в истории. Таким образом, помимо военного, социального, политического и экономического аспектов, пребывание советских войск в Корее имеет и антропологическое измерение: какими представлялись Корея и корейцы советским солдатам?

В историографии этот вопрос по-настоящему еще не ставился¹, несмотря на то что круг источников, в которых так или иначе отражается этот контакт, довольно широк. Здесь требуется источниковедческое уточнение: не все из них одинаково ценны для исследователя. Имеющиеся многочисленные эго-документы (опубликованные преимущественно онлайн), составленные участниками тех событий с советской стороны, хотя на первый взгляд и должны служить главной источниковой базой для подобного исследования, на самом деле плохо для этого подходят. И это объясняется двумя причинами. Во-первых, большинство известных воспоминаний о советско-японской войне были записаны значительно позднее, т. е. являются не дневниками, а мемуарами, а значит, отражают не первые впечатления от контакта, а, как минимум, их переосмысление

спустя долгие годы. Во-вторых, обращение к такой мемуарной литературе показывает, что в отношении восприятия Кореи и корейцев скорее можно говорить не о личных впечатлениях, а о воспроизведении известных идеологом, укоренившихся в сознании авторов. Для примера обратимся к воспоминаниям Ю. И. Горбунова о детстве, проведенном в Корее: «Трудовая партия Кореи под его руководством проводила политические, экономические, идеологические реформы в интересах народных масс, а не в интересах буржуазии и землевладельцев, как в Южной Корее. В 1946 г. была объявлена национализация. Земля была перераспределена в пользу мелких и бедных крестьянских хозяйств. 90 процентов экономики к 1949 г. было национализировано»². В таком духе выдержан весь текст. Очевидно, что перед нами не воспоминания маленького мальчика, каким был в то время Ю. И. Горбунов, а усвоенная им со временем идеология, что характерно и для мемуаров взрослых. Порой идеологические заросли здесь столь густы, что пробраться сквозь них исключительно сложно. Разумеется, и такие мемуары содержат крупицу истинных впечатлений. Так, тот же Ю. И. Горбунов описывает следующий эпизод: «Мама купила ручные женские часы, но вечером они остановились. На следующий день она пошла на базар с тетей Марусей. Они нашли продавца. Крупная тетя Маруся взяла тщедушного корейца за шиворот, встряхнула, и он безропотно вернул деньги “русской мадам”»³. Могучая тетя Маруся и «тщедушный» кореец — эта сцена при всей своей комичности дает почву для размышлений. Из контекста очевидно, что мальчика с собой на поиски продавца его мать и тетя Маруся не взяли, это то, как ему эту сцену пересказали взрослые. В их рассказе кореец-продавец приобрел характерную черту представителя «желтой расы» — субтильность, стереотип, который, как мы увидим ниже, был весьма распространен среди советских граждан, попавших в Корею, причем стереотип, в основе которого лежали некоторые антропометрические особенности японцев, отличить которых от корейцев для советских людей было затруднительно.

Вместе с тем есть источники, предназначенные для внутреннего пользования, а следовательно, по определению менее ангажированные, чем эго-документы. Это боевые донесения, составленные советскими офицерами по горячим следам их действий в ходе короткой советско-японской войны в августе 1945 г. Такие донесения тем более ценны, что, разумеется, их основной темой было вовсе не восприятие составителями местного населения, а собственно выполнение поставленной боевой задачи. Другими словами, составители донесений должны были отчитаться перед вышестоящим командованием о проведенной операции, а их восприятие местного населения и его культурных особенностей явно к ходу операции не относилось. Поэтому ценны отдельные проговорки на эту тему, встречающиеся в донесениях.

В настоящей статье анализируются рапорты, составленные офицерами ТОФ по результатам операций по захвату четырех портов Кореи на Японском море в середине августа 1945 г. Одно из первых таких донесений (от 16 августа

1945 г.) повествует о действиях вверенного автору отчета, капитану 2-го ранга Миронову, подразделения 11–12 августа при захвате порта Расин. Прочитируем его: «И в разговоре с корейцем, говорившим по-русски (а может, это был японец), который приходил “приветствовать” нас, сказал, что было бы очень выгодно для нас, если бы японцы начали бы наступление на нас сейчас же. Высадившаяся пехота встретила организованного противника до взвода, который при перестрелке отступил за сопки. Корейцы говорили, что за сопками расположено 4 полка японской пехоты, чему особенного значения не придавал. В городе бродило много раздетых (в нижнем белье) солдат, забирать которых или расстреливать не хватило бы средств, ни сил. Ограничился приказом их не впускать на территорию порта»⁴.

Этот короткий отрывок, как представляется, многое может сказать как об отношении капитана 2-го ранга Миронова и к японцам, и к местному населению. Конечно, прежде всего обращает на себя внимание то, вероятно, характерное для военного времени, холодно-рациональное отношение к человеческой жизни, проявившееся во фразе «много раздетых (в нижнем белье) солдат, забирать которых или расстреливать не хватило бы средств, ни сил». Заметим, что такое поведение советского офицера по отношению к японским солдатам вряд ли можно счесть правилом: в отчете подчиненного капитана 2-го ранга Миронова лейтенанта Попкова, действовавшего все в том же порту Расин, мы находим следующее: «Продолжая прочесывать город, в разных местах встречал отдельно бегущих и большие группы японских солдат, которых расстреливал»⁵. То есть, в отличие от своего командира, лейтенант Попков все же находил средства и силы для физического уничтожения японских солдат, несмотря на то что он, осуществляя командование разведгруппой, естественно, имел на это меньше времени. В чем же причина, побудившая действовать по-разному начальника и подчиненного в одних и тех же обстоятельствах? Вряд ли речь идет каком-то особом человеколюбию капитана 2-го ранга Миронова или, наоборот, об особой кровожадности лейтенанта Попкова, а приказы (неизвестные нам) о том, как поступать с японскими солдатами, у них были, очевидно, одни и те же. Нельзя принять и объяснение самого Миронова о нехватке у него средств и сил, поскольку его непосредственный подчиненный их в тех же самых условиях их нашел. Кроме того, если «отсутствие средств и сил» именно для задержания японских солдат еще можно как-то понять, то что помешало капитану 2-го ранга Миронову их просто расстреливать по мере возможности, как это сделал его подчиненный? Вряд ли можно предположить, что у его морских пехотинцев и матросов, вооруженных почти поголовно автоматическим или полуавтоматическим оружием (пистолеты-пулеметы ППД, ППС, самозарядные винтовки СВТ)⁶, не хватило бы для этого патронов.

Рискну предложить объяснение описанному выше парадоксу. В донесении капитана 2-го ранга Миронова значится, что японские солдаты, которых он не стал расстреливать, были в нижнем белье, в донесении же лейтенанта

Попкова такой подробности не содержится. Эта деталь много может объяснить. Как видно из все того же процитированного выше донесения капитана 2-го ранга Миронова, различие японцев и корейцев было для него непростой задачей: «И в разговоре с корейцем, говорившим по-русски (а может, это был японец), который...» Вероятно, что, столкнувшись с большим количеством полуголых людей, не носивших военную форму, капитан 2-го ранга Миронов, не будучи уверен, что все они — японские солдаты, не решился отдать приказ об их физическом уничтожении, что, вероятно, предполагалось полученным приказом, согласно которому действовал подчиненный Миронова лейтенант Попков.

В поддержку этой гипотезы приведем выдержку из еще одного документа, с которым совершенно точно были знакомы оба наших героя. Это «Памятка офицера», составленная весной 1945 г. в преддверии начала советско-японской войны: «По внешнему виду корейца трудно отличить от китайца или японца, зато очень легко это сделать по национальной одежде. Китайцы предпочитают темные цвета — синие или черные, японцы носят платья европейского покроя или костюм военного образца, а японки — яркие, пестрые кимоно. У корейцев (мужчин и женщин) национальное платье белого цвета... Одеваются корейцы просто. У мужчин — короткая куртка, широкие шаровары, суживающиеся книзу; у женщин — короткая кофточка и длинная широкая юбка. Зимой — то же платье, но на вате. При выходе на улицу одевают халат... Обувь корейцев — лапти, плетеные из лыка, пеньки или рисовой соломы. Кожаная обувь — большая редкость»⁷. Как видно из приведенного отрывка, советским офицерам фактически предписывалось отличать друг от друга корейцев, китайцев и японцев исключительно по одежде. Думается, что как военный человек, привыкший действовать по инструкции, капитан 2-го ранга Миронов при виде большого количества людей в нижнем белье оказался в затруднении. То есть он предполагал, что перед ним японские солдаты, что и отразилось в донесении, но до конца уверен в этом не был, поскольку главная отличительная «национальная» черта, т. е. одежда, отсутствовала. Вероятно, перед советским офицером встала дилемма: следовать приказу (задерживать или расстреливать) или просто минимизировать возможные риски, приказав не допускать их на территорию самого порта. Учитывая, что выбор первой возможности был сопряжен с риском случайно расстрелять каких-нибудь корейцев, что могло в дальнейшем сулить неприятности ему лично, Миронов отдал такой приказ. Приказ странный в условиях военного (до капитуляции Японии еще несколько дней!) времени. Солдаты противника могли представлять потенциальную угрозу. Однако, по всей видимости, здраво рассудив, что японские солдаты в нижнем белье деморализованы и серьезной угрозы не представляют, капитан 2-го ранга Миронов предпочел выбрать меньшее из зол.

Конечно, приведенная выше реконструкция мыслей командира советского десанта в порту Расин при виде полуголых японских солдат в высшей степени гипотетична, однако влияние «Памятки офицера» на восприятие действи-

тельности во время советских десантов в корейские порты можно проследить и по другим донесениям.

Так, в описании действий советского десанта при взятии порта Юки есть следующий пассаж: «Высаженные разведчики сразу же, по сходу на берег начали мелкими группами проникать в город с разных сторон, одновременно осматривая наиболее крупные дома и захватывая в плен попадающихся корейцев»⁸. Захват в плен корейцев — звучит очень странно, особенно в условиях по крайней мере официально декларируемой дружбы с ними, призыва подниматься на борьбу против японцев и несения им РККА свободы от японского колониального гнета⁹. Думается, что в данном случае речь может идти все о той же путанице: разница между корейцами и японцами была зачастую трудноуловима для советских офицеров, ориентирующихся на «Памятку». Или, может быть, захваченные в плен корейцы были не в национальной одежде? Эту мысль подтверждает и донесение капитана Свищева, в котором опять-таки, заметим, особо подчеркнута одежда пленных: «В 8:00 в штаб батальона стали поступать первые пленные, большинство из которых было одето в смешанную и гражданскую одежду»¹⁰. Такое внимание к одежде пленных, думается, тоже неслучайно. Ведь только она, как мы помним, помогала отличить корейцев от японцев. Вообще в донесениях корейцы и японцы зачастую упоминаются через запятую, без специфического выделения этнических групп: «В 8:30 возвратилась офицерская разведка, которой удалось установить, по показаниям корейцев и пленных, что в северо-западном направлении отошло до четырех полков японцев»¹¹. Разведка работала как с корейцами, так и с японцами, видимо, вследствие того, что различить их было довольно затруднительно, того четкого образа, который рисовала «Памятка», на практике не существовало, что, вероятно, вызывало некоторую тревогу капитана 2-го ранга Миронова.

Рефлексия по поводу одежды — не единственный случай, когда «Памятка офицеру» так или иначе отражалась в восприятии Кореи и корейцев. Вспомним мемуары Ю. И. Горбунова и образ «тщедушного» корейца, поднятого могучей тетей Марусей. Думается, что и здесь не обошлось без влияния «Памятки» на восприятие действительности: «Корейцы — народ желтой расы. Физический облик корейца: круглое с выдающимися скулами лицо, маленький приплюснутый нос, большие толстые губы, жесткие черные волосы, желтый цвет лица. У стариков — длинная редкая борода и такие же усы. Большинство корейцев ниже среднего роста европейцев, коренастые и в физическом отношении хорошо развитые»¹². Мы видим целый набор стереотипов, которые, за исключением черного цвета волос, не вполне соответствуют реальности, не говоря уж об очевидном, с современной точки зрения, расистском духе «Памятки». Впрочем, это было вполне типично для многих представителей «белой» расы в середине XX в., и имело давнюю историю¹³. Здесь отразились представления о маленьком росте корейцев, которые на самом деле в этом отношении не слишком (не в пример японцам) отличались от европейцев.

Общее восприятие Кореи также находилось под влиянием «Памятки»: «Корейская деревня — это десяток-другой в беспорядке разбросанных мазанок. Иногда эти мазанки выстраиваются в одну линию вдоль дороги, составляя улицу. Уездные города отличаются от деревни только бóльшим количеством построек. Большие города имеют европейские кварталы, несколько благоустроенные. Жилище корейца — это низкая глинобитная постройка, крытая соломой, реже — черепицей. Дом разбит на три и больше комнат, одна из которых предназначена исключительно для женщин. Окнами служат деревянные решетки, оклеенные бумагой. Стекла в окнах можно встретить только в домах у зажиточной части населения. Окна дома выходят во двор. Корейские фанзы очень опасны в пожарном отношении. Мебели в доме нет, исключая двух-трех сундуков с одеждой и полок для кухонной утвари. Спят корейцы на полу, устланном плетеными из камыша или стеблей гаоляна циновками; под голову кладут туго набитые мякиной продолговатые подушки»¹⁴. Схожую неприглядную картину мы находим и в отдельных замечаниях по поводу общего состояния корейских городов. Так, донесения дают следующее описание порта Сейсин: «Город Сейсин и порт представляют собой очаг антисанитарии с обилием мух, грязи, различного хлама и нечистот. Санитарное состояние корейских фанз и личная гигиена корейского населения чрезвычайно низкие»¹⁵. Конечно, нельзя исключать того, что порт Сейсин и правда представлял собой крайне неприглядную картину, однако в свете уже высказанных выше предположений о влиянии изначальной картины «Памятки офицера» на сознание советских военнослужащих вряд ли может показаться странным, что автор рапорта, описывающий Сейсин, кажется, уже был готов увидеть нищету, бедность и антисанитарию, описанные в донесении.

Подведем некоторые итоги. То, какой увидели Корею советские военнослужащие в августе 1945 г., было во многом следствием их изначальной подготовки, отраженной в «Памятке офицеру». С одной стороны, все очевидные шероховатости этого документа налицо. Командование Дальневосточного фронта и ТОФ не очень хорошо представляло себе культурные особенности той местности, где им предстояли грядущие бои советско-японской войны. Разница между японцами (к которым было приковано главное внимание) и корейцами (которых предстояло освободить) виделась не очень существенной, что породило много недоразумений и проблем в ходе дальнейшей оккупации Кореи к северу от 38-й параллели¹⁶. С другой стороны, в условиях проводимой Японией политики «один народ», целью которой была японизация Кореи, вряд ли может быть удивительно, что и советские власти плохо разбирались в тонкостях местного этнического разнообразия. Некоторые японские солдаты родились и всю жизнь провели в Корее, о чем недвусмысленно свидетельствуют допросы военнопленных, захваченных в ходе советско-японской войны¹⁷. В действительности грань между корейской и японской идентичностью начинала стираться, а политика японизации корейцев начинала действовать, так что

мы даже не всегда знаем, в какой степени захваченные пленные были японцами. Известно, что корейцам предлагалось брать японские имена и приносить присягу императору. Их призывали в императорскую армию. Таким образом, трудно было ожидать, что во всех этих тонкостях советские власти могли бы разобраться. Вместе с тем описанные выше первые впечатления советских солдат о Корее и корейцах стали образами, повлиявшими на дальнейшее восприятие корейской культуры советскими гражданами, но это уже тема отдельного исследования.

- ¹ Так, Ю. В. Ванин в монографии, посвященной в целом пребыванию Советской армии на севере Кореи в 1945–1948 гг., описывая первые контакты наступающих советских войск с корейцами, делает акцент на радостных эмоциях корейцев, но ничего не говорит о том, как воспринимали последних сами бойцы РККА: *Ванин Ю. В. Советский Союз и Северная Корея: 1945–1948*. М., 2016, С. 33–39. Не касается этого сюжета и работавший с материалами ЦАМО РФ Василий Лебедев: *Lebedev V. War and Peace in Liberated North Korea: Soviet military administration and the creation of North Korean police force in 1945* // *International Journal of Asian Studies*. 2022. Vol. 19, iss. 1. P. 117–133. В американской историографии это сюжет также остался неосвещенным. Так, крупнейший специалист по истории Северной Кореи Брюс Камингс обходит его стороной: *Cummings B. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- ² *Горбунов Ю. И. Война в Корее: до и после* // *Военное обозрение*. 2013. 13 августа. <https://topwar.ru/31816-voyna-v-koree-doi-posle.html> (дата обращения 31.03.2023).
- ³ Там же.
- ⁴ ЦВМА МО. Ф. 2450. Оп. 170. Д. 9. Л. 122.
- ⁵ Там же. Д. 23. Л. 20 об.
- ⁶ Там же. Д. 9. Л. 124–127.
- ⁷ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 196. Л. 15–46.
- ⁸ ЦВМА МО. Ф. 2450. Оп. 170. Д. 9. Л. 127.
- ⁹ См., например, обращение маршала Василевского к корейцам в самом начале советско-японской войны: ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 186. Л. 229–230.
- ¹⁰ ЦВМА МО. Ф. 2450. Оп. 170. Д. 22. Л. 10.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 196. Л. 15–46.
- ¹³ *Гузей Я. С. Категория «желтые» в контексте расового дискурса в российской империи в конце XIX — начале XX в.* // *Известия Иркутского государственного университета*. 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 167–178.
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 196. Л. 15–46.
- ¹⁵ ЦВМА МО. Ф. 2450. Оп. 170. Д. 23. Л. 10.
- ¹⁶ См., например, о проблеме с переводчиками с корейского в 1945–1946 гг. в: *Вовин А. А. Поведение военнослужащих РККА — СА в северной части Кореи в 1945–1946 гг. по материалам отчетов военных комендатур* // *Петербургский исторический журнал*. 2021. № 3 (31). С. 41–50.
- ¹⁷ Например, один из захваченных в результате взятия порта Сейсин японских солдат показал: «Захваченный военнопленный в районе наступления 76 БМП 18.08.45 солдат 2-го разряда Уеда Синдари 19 лет показал: родился в г. Сейсин на ул. Хигасикай ган, где

и жил до 9 августа 1945 г. С начала Советской войны был призван в японскую армию, номера и названия дивизии не знает, полк именовался 1625, батальон 8810. На вопрос — «Откуда такой большой номер батальона» солдат Уеда ответил, «что батальон считался одновременно отдельным». Он был зачислен в 4-ю роту подпоручика Ураки Соми. Эта рота занимала оборону на горе Тамардави, т. е. Ю[го]-З[ападном] направлении между новым и старым Сейсином. В роте по штату должно было быть 250 человек, фактически было 150 человек. Рота занимала оборону на указанной горе до 17.08.45 года и все время могла наблюдать высадку и движение частей Красной армии, высаживающихся в порту г. Сейсин 17-го августа с\г. При наступлении Ваших частей, т. е. нашего 76 БМП, рота оставила свою оборону и ушла в неизвестном направлении во время отступления. Я был ранен в ногу, после чего спрятался в домике поселка Сейсюра, где и был сегодня 18.08.45 найден советскими солдатами и доставлен сюда» (ЦВМА МО. Ф. 2450. Оп. 170. Д. 23. Л. 106).

References

- CUMINGS B. *Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- GUZEJ Ya. S. *Kategoriya zheltje v kontekste rasovogo diskursa v rossijskoj imperii v konce XIX — nachale XX vv.* // *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 2 (11), ch. 2. S. 167–178.
- LEBEDEV V. *War and Peace in Liberated North Korea: Soviet military administration and the creation of North Korean police force in 1945* // *International Journal of Asian Studies*. 2022. Vol. 19, iss. 1. P. 117–133.
- VANIN Yu. V. *Sovetskij Soyuz i Severnaya koreya: 1945–1948*. Moscow, 2016.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Вовин. Советские граждане и Корея летом 1945 г.: антропологический аспект // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 57–65

Аннотация: В статье рассматриваются донесения советских офицеров, участвовавших в операциях Тихоокеанского флота (ТОФ) по высадке десанта в портах Кореи во время советско-японской войны 1945 г. В фокусе внимания автора лежит восприятие советскими военнослужащими Кореи и корейцев, что в современной историографии еще не подвергалось анализу, при том что эта «встреча культур» во многом предопределила взаимоотношения СССР, а потом РФ и Кореи на долгие десятилетия.

Ключевые слова: Тихоокеанский флот, Корея, десант, советско-японская война 1945 г., взаимоотношения, корейцы, советские моряки.

FOR CITATION

A. A. Vovin. Soviet citizens and Korea in the Summer of 1945: an anthropological aspect // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 57–65

Abstract: The article deals with the reports of Soviet officers who participated in the landing of the Pacific Fleet about the landing in the ports of Korea during the Soviet-Japanese war of 1945. The author focuses on the perception of Korea and Koreans by Soviet military personnel. That research, despite the fact that this “meeting of cultures” largely predetermined the relationship between the USSR, and then the Russian Federation and Korea for many decades, has not yet been made in the modern historiography.

Keywords: Pacific Fleet, Korea, landing, Soviet-Japanese War 1945, relations, Koreans, Soviet sailors.

Автор: Вовин, Алексей Александрович — к. и. н., научный сотрудник СПб ИИ РАН.

Author: Vovin, Alexei — PhD, research fellow at Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: avovin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5089-9999